

Новая монография доктора исторических наук, профессора кафедры всеобщей истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессора кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета, ведущего научного сотрудника Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исследований Государственного академического университета гуманитарных наук Н. П. Таньшиной «Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского» сразу привлекает внимание своей необычной обложкой. Над революционным хаосом, изображенным в красках, с вооруженными повстанцами, павшими жертвами, трехцветными и красными флагами, парят два черно-белых лица, грушевидное (фас) и орлиноподобное (профиль). Это известная карикатура на Луи-Филиппа и автошарж Николая I, которые вошли в историю, обросшие штампами и стереотипами. Но неверно предполагать, что за подобной обложкой прячется нечто научно-популярное, в духе хорошо известных работ автора из серии «Путеводитель по истории мира»¹. Нет — это сугубо научное издание с тщательно разработанным научным аппаратом, обладающее, тем не менее, всеми свойствами добротного художественного текста.

В центре повествования — две неординарные личности, во многом определявшие характер международных отношений в Европе 1830—1840-х годов XIX в. Казалось бы, тема противостояния России и Франции довольно хорошо изучена. И это, действительно, так, если говорить об эпохе Наполеоновских войн, когда российское государство во главе с Александром I бросило вызов французскому имперскому величию и разрушило планы объединения Европы под скипетром «корсиканского узурпатора». Однако гораздо менее исследован сравнительно «тихий», но очень напряженный период взаимодействия Николая I и Луи-Филиппа, который и стал ключевым для автора. Это было время резкого ограничения политических контактов между

державами, вызванного, прежде всего, негативным отношением российского императора к «королю-гражданину» Луи-Филиппу Орлеанскому, получившему власть в ходе Июльской революции, а также ко всему «незаконному» (с его точки зрения) французскому конституционному режиму. При этом новая книга Н. П. Таньшиной не только о международных отношениях, она о роли личности в истории, о значении стереотипов и эмоций в процессе принятия внешнеполитических решений, о ценностях умеренного самодержавия и либерально-консервативного орлеанизма.

Вышедшая в свет в конце 2018 г. в солидном московском издательстве «Политическая энциклопедия», монография молодого, но уже вполне зрелого в профессиональном отношении автора, возвещает в наш «постмодернистский век» возврат к обновленной классической методологии познания, к обогатившейся и модернизированной форме неопозитивизма, а главное — к опоре на оригинальные источники, свидетельства очевидцев событий. Именно таким представляется «комплексный историко-культурный» подход Н. П. Таньшиной, для которого характерны внимание к «мелочам», методологический плюрализм, междисциплинарность и желание отмежеваться от жестких идеологических схем. Конечно, временами бывает заметно, что автору духовно ближе либерализм, чем консерватизм и самодержавие. Но в результате стремление к объективности всегда побеждает.

Рецензируемая книга читается легко, на одном дыхании, ибо насыщена яркими и запоминающимися образами, давно ушедшими картинами жизни дореформенной России и орлеанистской Франции. Автор начинает свое повествование с самого момента рождения Луи-Филиппа Орлеанского 6 октября 1773 г. и доводит до 2 марта 1855 г. — времени смерти Николая I, дабы лучше выписать характеры обоих государей. Монография хорошо сбалансирована по структуре: от двойного портрета монархов в первой главе читатель переходит к разбору политических сюжетов во второй, затем — к образам России, порожденным французскими, к Парижу — и не только — глазами россиян (третья и четвертая), и, что логично, к финалу и заключению.

Один из разделов книги назван «Немного историографии» (с. 10—17). Здесь автор

¹ Таньшина Н. П. Талейран. Гений дипломатии. М., 2014; *ее же*. Французская революция. Мадам Гильотина и ее дети. М., 2016; *ее же*. Жанна д'Арк. Подлинная история Орлеанской девы. М., 2016.

воздаст должное трудам предшественников и коллег, таких как П. П. Черкасов, Т. Н. Гончарова, В. А. Мильчина, О. С. Данилова, В. С. Парсамов, Ш. Корбе, М. Кадо, К. Грюнвальд, М.-П. Рэй. Несколько раньше, во Введении упомянуты труды специалистов по российской истории XIX в. Л. М. Ляшенко и Л. В. Высочкова. Особое внимание специалистов привлечет обширный Список источников и литературы, а также педантично составленный Указатель имен (с. 319–334). Для читателей в книге найдутся ценнейшие сведения о «культурном притяжении» двух великих держав. При этом автор не закрывает глаза на постепенное развитие русофобии во Франции, что весьма актуально и в наши дни. По мнению Н. П. Танышиной, немалую роль в разжигании страстей сыграл «польский вопрос». В частности, именно пропаганда поляков, выходцев из царской России, настоящих политических эмигрантов, поселившихся во Франции во множестве после подавления восстания 1830–1831 гг., создавала образ России как «варварского, деспотичного государства, непосредственно угрожающего свободе европейцев» (с. 130).

Н. П. Танышиной особенно удался сравнительный анализ личностей «Государя всея Руси» Николая Павловича и «короля французов» Луи-Филиппа Орлеанского (с. 18–82). Они, как выясняется, персонифицировали не только самодержавие и либерализм. Так, «жандарм Европы», «рыцарь самодержавия», «душитель революций» Николай I был убежденным сторонником принципа легитимизма. Он скрепя сердце вынужден был признать режим Июльской монархии, но искренне считал своего французского «коллегу» узурпатором трона и категорически отказывался признавать его «братом». В свою очередь, «король баррикад» Луи-Филипп, получивший свою «должность» в результате Июльской революции, рисуется в монографии как «король-гражданин», олицетворяющий все добродетели и пороки буржуазии своего времени. Революция, отречение от престола, бегство в Великобританию и скорая смерть — таков финал жизни французского монарха. Война, поражение, болезнь и скоропостижная смерть — а это итог жизни и правления российского самодержца. Автор полагает, что и король Луи-Филипп, и царь Николай не были готовы к настоящим компромиссам и отстаивали свои взгляды до конца. В целом, Н. П. Танышина, проводя сравнительный анализ, неожиданно для читателя обнаруживает, что при всем внешнем различии и даже противоположности обоих монархов, между ними было очень много общего.

Крайне интересны в монографии живописные портреты графа Шарля-Андре Поццо ди Борго, корсиканца на русской службе, и двух баронов — Проспера де Баранта и Поля де Бургоэна. Здесь особенно красноречивы детали. Так, Поццо в форме русского генерала, напевая, вальсирует вокруг стола в парижском салоне — и его принимают за сумасшедшего (с. 93). Очень любопытен эпизод, где Бургоэн умеряет воинственный пыл российского императора — и успокаивает его, принуждая признать режим Луи-Филиппа (с. 115). Затем в ткань повествования постепенно вводятся легенды, связанные с именами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и П. Баранта (с. 121–124). Наконец, автор выходит на актуальную проблематику политической русофобии и так называемых «журнальных войн», спровоцированных публикацией книги А. де Кюстина о николаевской России, как предвестников современных информационных войн (с. 145–160).

Н. П. Танышина вполне обоснованно полагает, что уже в первой половине XIX в. пресса Франции приобрела значение настоящей четвертой власти, а информационные (журнальные) войны вошли в политическую практику и сферу межгосударственных отношений. Характерно, что инициатором этих «войн» выступила именно Франция. С другой стороны, многие французы, побывавшие в России, не являлись русофобами. Интересно отметить, что не был таковым даже маркиз де Кюстин! В общем, автор пытается — и не без успеха — ответить на «вечный» вопрос: почему французы (как типичные представители Запада) не слишком любят Россию и часто воспринимают ее как варварское деспотичное государство?

Все же образ Франции, созданный россиянами, гораздо привлекательнее. Тут нельзя не вспомнить о княгине Д. Х. Ливен, которой Н. П. Танышина в 2009 г. посвятила отдельную книгу, пропитанную искренней любовью к своей героине². В Париже прошли последние 22 года жизни княгини, там она сблизилась с французским министром и историком Ф. Гизо³. И князь П. А. Вяземский, и В. М. Строев, и М. П. Погодин, и дипломат В. П. Балабин, по уверению автора, чувствовали себя в Париже достаточно уютно (с. 246–282). Вскрывается целый пласт «франкоязычной» русской культуры. Однако, опираясь на свидетельства А. Я. Панаевой,

² Танышина Н. П. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009.

³ Танышина Н. П. Франсуа Гизо: политическая биография. М., 2016.

Н. П. Таньшина отмечает, что оказавшимся во Франции разночинцам из России (особенно тем, которые не жили на широкую ногу и имели проблемы с французским языком) вполне могло казаться, что русских недолюбливают (с. 282—284). В целом же, на бытовом уровне особых антирусских предубеждений во Франции эпохи Луи-Филиппа Орлеанского наши соотечественники не замечали.

В Заключении Н. П. Таньшина подводит итоги правления Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского в исторической перспективе. По ее мнению, они далеко не «однозначно негативные»: процессы, инициированные в России Николаем I, способствовали формированию экономических основ нового общества и национальной культуры, а правление «короля-буржуа» Луи-Филиппа заложило основы современной Франции (с. 316). Несмотря на то, что взаимоотношения между странами вплоть до Французской революции 1848 г. оставались весьма прохладными, двусторонние культурные, экономические и научные связи не прерывались. А со второй половины 1840-х годов у российского самодержца ослабла прежняя нетерпимость к «фальшивой», по его собственным словам, Июльской монархии. Н. П. Таньшина рассматривает российско-французские отношения 1830—1848 гг. не только как первый опыт взаимодействия российского самодержавия и французского либерализма, но и как исторический пример возможности согласования национальных интересов и европейской безопасности в условиях многополярного мира (с. 317), что сегодня особенно актуально.

Разумеется, современная Европа принципиально отличается от той, что описана в книге. Тогда европейские страны играли ведущую роль в мировой политике и экономике, американское влияние было ничтожным, а все попытки объединения Европы заканчивались неудачно. Так, усилия Наполеона Бонапарта по «унификации» континента вызвали мощную ответную реакцию в виде роста националистических настроений во многих европейских странах. А к началу Крымской войны окончательно ушел в историю институт Священного Союза, несколько десятилетий поддерживавший в Европе консервативный

международный порядок. Однако сам принцип многополярности в настоящее время снова набирает популярность, а Европейский Союз из всех сил пытается играть более весомую роль на глобальной арене. Конечно, самодержавие в современной Европе можно найти разве что в Ватикане, который — единственный! — остается абсолютной монархией. Но борьба либеральной и консервативной идеологий все еще активно влияет на европейскую политику: достаточно взглянуть на историю противостояния партий «Гражданская платформа» и «Право и справедливость» в Республике Польша. На европейском уровне конфликт обернулся настоящей «дуэлью» нынешнего председателя Европейского совета Дональда Туска, отстаивающего либеральные общеевропейские ценности и согласованную позицию Евросоюза, с Ярославом Качиньским, убежденным консерваторм, стоящим на страже польских национальных интересов.

Монография Н. П. Таньшиной, по ее собственным словам, не претендует на всесторонний анализ политико-дипломатических отношений между Россией и Францией в годы правления Николая I и Луи-Филиппа. Однако она представляет собою замечательный очерк истории двусторонних отношений, прежде всего, на уровне общественных и культурных связей. В частности, в работе прекрасно прослеживается эволюция отношения к русским во Франции в 30—40-е годы XIX в. в зависимости от внешнеполитических действий России. Авторский стиль отличают внимание к деталям, тонкий психологизм и тщательная работа над характерами персонажей. В целом работа Н. П. Таньшиной, основанная на огромной источниковедческой базе и написанная прекрасным литературным языком, представляется исключительно своевременной и важной. Она будет полезна не только узким специалистам, но и широкому кругу читателей, всем, кто интересуется историей Франции и России, и, безусловно, займет достойное место в отечественной историографии.

А. Г. Браницкий,
доктор исторических наук, профессор
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского